РАЗДЕЛ 2. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

И.Е. Прохорова, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: pro-hor-ie@mail.ru

Памяти отца, Евгения Павловича Прохорова, хорошо знавшего и ценившего творчество В.Г. Белинского

В.Г. БЕЛИНСКИЙ VS С.П. ШЕВЫРЕВ: РЕАЛИЗАЦИЯ КОНФРОНТАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ В ЖУРНАЛЬНОЙ ПОЛЕМИКЕ (1836 год)

Статья обнаруживает новые подходы к анализу публицистического наследия В.Г. Белинского и С.П. Шевырева, основанные на современных представлениях о различных типах полемических стратегий — диалогового и конфронтационного. Детальное рассмотрение суждений Шевырева параллельно с откликами на них «неистового Виссариона» показывает его неготовность к толерантному конструктивному диалогу даже с потенциальным союзником (например, в противостоянии «торговому направлению»). Автор предлагает отказаться от принятого в истории русской критики и журналистики апологетического отношения к Белинскому как полемисту с демократическими взглядами, что отнюдь не означает отрицания действительных заслуг этого классика русской критики и журналистики.

Ключевые слова: *В.Г. Белинский, С.П. Шевырев, журнальная полемика, конфронтационная/диалоговая стратегия, консерватизм, «светскость», «торговое направление».*

The article finds out new approaches to the analysis of Belinsky and Shevyrev publicistic heritage based on modern ideas about various types of polemic strategy — dialogue and confrontational. Detailed consideration of Shevyrev's judgements in parallel with the responses to them of "furious Vissarion" shows his lack of readiness for tolerant constructive dialogue even concerning the potential ally (for example, in opposition to commercial orientated literature and journalism). The author suggests to refuse from accepted in the history of Russian criticism and journalism the apologetic attitude to Belinsky as to the polemist with democratic views that at all doesn't mean denial of the real merits of this classic of Russian criticism and journalism.

Key words: *V.G. Belinsky, S.P. Shevyrev, journal polemic, confrontational/dialogue strategy, conservatism, "aristocratism", commercial orientated literature and journalism.*

Как нам уже доводилось отмечать, первые же полемические выступления В.Г. Белинского против С.П. Шевырева в 1834—1835 годах на страницах газеты «Молва» продемонстрировали выбор молодого

сотрудника изданий Н.И. Надеждина отнюдь не в пользу диалоговой стратегии в журналистике[1]. Ведь истинный диалог предполагает анализ и оценку позиции оппонента в ее реальном масштабе, аргументированное оспаривание действительных высказываний «противника», а не собственного произвольного изложения его высказываний, установку на поиск взаимоприемлемой позиции по обсуждаемой проблеме.

В полемике с Шевыревым Белинский изначально предпочел стратегию, допускающую неточную трактовку как выдвинутых оппонентом конкретных тезисов, так и его общей позиции, затушевывание его удач в литературно-художественной критике и настойчивое акцентирование неудач. Такая конфронтационная стратегия, в целом строящаяся на преувеличении разногласий с «противником», наиболее энергично реализована Белинским в двух его ключевых публикациях в «Телескопе» в 1836 году. Это большая часть обозрения «Ничто о ничем, или Отчет г. издателю “Телескопа” за последнее полугодие (1835) русской литературы», помещенная в 4-м номере, и статья «О критике и литературных мнениях “Московского наблюдателя”» в 5-м и 6-м номерах.

Сквозным мотивом «телескопского ратования» Белинского против «Московского наблюдателя» и руководившего в нем критическим отделом Шевырева стали обвинения в «аристократизме», или «светскости». Последнее из синонимичных для критика понятий в статьях 1836 года употреблялось чаще. Именно в «светскости» он увидел основное направление журнала в целом и непосредственно руководимого Шевыревым критического отдела, которое и предопределило, с точки зрения Белинского, неуспех «Московского наблюдателя» в исполнении его цели и, более того, вредное (это читалось между строк) влияние на аудиторию и, следовательно, на социокультурное развитие в целом.

Впервые определения «аристократический», «светский» были применены к журналу «Московский наблюдатель», как известно, издателем «Телескопа», который в статье «Европеизм и народность в отношении к русской словесности» поддержал своего молодого сотрудника, в том числе в полемике с Шевыревым, начатой Белинским во время отсутствия Надеждина в Москве. Уже во 2-м номере «Телескопа» за 1836 год его издатель столь же иронично, но гораздо подробнее, чем Белинский в «Молве» в 1834—1835 годах, писал о главном критике журнала-конкурента. Надеждин считал, что Шевырев «судит» по «обветшалым законам» французского

[1] См., например, нашу недавнюю статью «В.Г. Белинский-полемист и проблема диалога в журналистике (по материалам полемики с С.П. Шевыревым в 1834—1835 гг.)» http://www.mediascope.ru/node/9264

классицизма, «хотя и скрывает их под новыми выражениями», проповедует «какое-то аристократическое изящество», призывает литературу «говорить языком хорошего общества, держаться паркетного тона». «Московский наблюдатель» прямо обвинялся в аристократической «нетерпимости ко всему уличному, мещанскому, чисто народному», хотя (а отчасти — и в результате этого), по Надеждину, он «не унижается до полемических схваток, остерегается запальчивости и увлечения»[2].

Воодушевленный высказываниями руководителя журнала, Белинский умело развил их, соединив с ранее выраженными им самим претензиями к Шевыреву. Итоговая оценка деятельности «Московского наблюдателя» в конце статьи «О критике и литературных мнениях...» чуть не дословно повторяет надеждинскую: «Он хлопочет не о распространении современных понятий об изящном; <...> он старается о распространении светскости в литературе, о введении литературного приличия, литературного общежития; он хочет, во что бы то ни стало, одеть нашу литературу в модный фрак и белые перчатки, ввести ее в гостиную <...>»[3]. Выбранные Белинским форматы «полугодового» обозрения (в первой статье) и развернутого постатейного разбора критического отдела «Московского наблюдателя» (во второй) позволяли не только дать обобщенную характеристику рассматриваемого журнала и его критики, но и «поговорить» (с характерной для критика пространностью и эмоциональностью, особенно во второй статье) о конкретных литературно-критических публикациях Шевырева.

Употребляя вслед за Надеждиным понятие «светскость» для определения «задушевной идеи», проповедуемой Шевыревым и на страницах «Московского наблюдателя» (как и в период его сотрудничества в «Молве» — на ее страницах), Белинский актуализировал лишь отрицательные коннотации, связанные с этим понятием. Ю.В. Манн в комментарии к статье «О критике и литературных мнениях...» справедливо указал, что под «светскостью» ее автор подразумевал и «политический консерватизм» (хотя точнее здесь, наверно, было бы определение «сословный консерватизм», поскольку непосредственно политические вопросы в статье не рассматривались), и «литературное ретроградство»[4].

Бесспорно, критик имел основания писать о позиции Шевырева, да и всего редакционного кружка «Московского наблюдателя»

---

[2] Телескоп. 1836. Ч. XXXI. № 2. С. 215—216.

[3] *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. II. С. 176.

[4] *Белинский В.Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. I. М., 1976. С. 669. Кстати, относительно оценки идейной позиции самого Шевырева интересно замечание Ю.В. Манна в другой его работе, что окраску политического консерватизма получила «архаизированная народная идея» Шевырева лишь после 1836 года, т.е. уже после статьи Белинского (Русская философская эстетика. М., 1969. С.153).

как дворянски консервативной, к которой в середине 1830-х годов в той или иной мере тяготели многие крупнейшие литераторы, включая А.С. Пушкина и его окружение[5]. Но категоричная оценка Белинским этой позиции как одного из главных препятствий на пути литературно-общественного развития страны, заслуживающих исключительно негативного пафоса, что отличает его статью «О критике и литературных мнениях...», явно страдала излишней категоричностью, неточностями и преувеличениями. К сожалению, их анализ по сути до сих пор остается вне поля зрения пишущих о Белинском.

В середине 1830-х годов Шевырев исходил из основополагающей для консерватизма идеи стабильности общества и неприятия социальной «ломки», что для России означало сохранение корпоративно-монархического строя. В то же время, как и многие его единомышленники, условием стабильности он полагал эволюционное развитие общества при ведущей роли образованного сословия — дворянства и, конечно, верховной власти, правительства. При этом устойчивость развития общества напрямую связывалась с его постепенным просвещением. Понятие о «постепенной лестнице просвещения» программно для «Московского наблюдателя».

Особая роль дворянства в просветительской деятельности осмысливалась как обязанность и высокая миссия, исполнение которых предполагало повышенные требования к образованности самого первого сословия, а вовсе не как его монопольное право на просвещение и соответственно диктат своих предпочтений другим, в чем обвинял Шевырева Белинский. При этом Шевырев неоднократно весьма критично высказывался о дворянском обществе, к которому принадлежал, о «маскараде нашего света», невежественного и равнодушного к просвещению[6]. Отсюда и его пожелание Н.В. Гоголю в статье о «Миргороде» — выйти за рамки узкого круга провинциальных героев в комических произведениях, открыть «бессмыслицу» и в «кругу так называемом образованном», «под модными головными уборами»[7]. Белинский в полемике с Шевыревым предпочел просто не заметить такого рода критической направленности в публикациях «неприятеля».

---

[5] Недаром пушкинский «Современник» Белинский тоже назвал «светским» журналом, органом «какой-то аристократической партии», «петербургским “Наблюдателем”» (*Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. II. С. 234).

[6] Московский вестник. 1828. № 1. С. 111. В этой связи стоит вспомнить о настойчивости А.С. Пушкина, не раз тогда указывавшего на необходимость отличать «свет», придворную знать от «старинного дворянства», которое в России тех лет составляло «род среднего состояния», «почтенного, трудолюбивого и просвещенного», единственным поприщем для которого оставались литература и просвещение (*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 207—208).

[7] *Шевырев С.П.* Об отечественной словесности. М., 2004. С. 104.

Одним из первых в статье «О критике вообще и у нас в России» Шевырев начал писать о необходимости «русского просвещения», «своей национальной учености». И это было не просто верноподданническое служение утверждавшейся тогда свыше теории «официальной народности»[8]. Проповедуя «русское просвещение», Шевырев очень ценил европейскую образованность, которой сам был причастен и которая вообще отличала лучшую часть русского дворянства. Заметим, что еще в 1829 году, находясь в Италии, Шевырев написал опубликованное в 1830 году в «Московском вестнике» (№ 4) стихотворение «Петроград», прославляющее создание Петром «чудо-града», открывшего дорогу чуждым народам, которые «России принесли / Дань наук и плод свободы». Тогда же он советовал М.П. Погодину писать историю Петра I как «Евангелие русское», «чтобы оно врезалось во всех русских от вельможи до сапожника». Преклонение перед зачинателем европеизации России можно заметить и в его девизе «Будь <...> человеком по Христу, будь русским по Петру» [цит. по: Цветкова, 2008, с. 47]. Вообще для Шевырева середины 1830-х годов характерен вдумчивый интерес к проблеме соотношения «русского» и «европейского» начал в желаемом развитии России и ее культуры, прежде всего словесности. Вместе с тем четкой концепции в этом отношении у него тогда еще не сложилось[9].

Белинский едва ли мог знать позицию Шевырева по ключевым социокультурным проблемам в такой ее многоаспектности, сложности и даже противоречивости. В «телескопском ратовании» против критика «Московского наблюдателя» он и вовсе неоправданно сводил ее к «светскости», якобы устремленной главным образом к сохранению в обществе и литературе «приличий», как они понимались дворянством. При этом вполне закономерно, что среди объявленных им неприемлемыми целей рассматриваемого журнала автор статьи «О критике и литературных мнениях...» выделил именно «введение литературного приличия, литературного общежития». Эта проблема тогда действительно активно ставилась Шевыревым и его единомышленниками, но понималась она не так, как пытался представить читателям «Телескопа» Белинский.

Для Шевырева «литературное приличие» призвано было обеспечивать культуру «литературного общежития», цивилизованные взаимоотношения литераторов и издателей, писателей и критиков.

---

[8] Там же. С. 100. Ср. призывы Надеждина к «своеземному образованию» в цитированной выше статье «Европеизм и народность...».

[9] Вообще при анализе тех или иных высказываний Шевырева принципиально важно учитывать различия в позициях Шевырева по литературно-общественным и общефилософским вопросам в период его участия в «Московском наблюдателе» и в «Москвитянине», несмотря на их безусловные генетические связи.

Это, как и «приличия» в «хорошем обществе», — ценности, по преимуществу, внесословные, вненациональные и вневременны́е. Ведь и принадлежность к дворянству, к «высшему обществу» для Шевырева не тождественна принадлежности к «хорошему обществу» и не дает автоматически права называться «благородным человеком».

Понимая абсолютную ценность «литературного общежития», Шевырев соответственно выдвигал соблюдение «приличия» в словесности и как задачу — минимум в конкретной исторической ситуации. Например, в современной, когда «в ожидании» «истинной критики» всему «сословию» литераторов (их «совокупным усилиям») автор «Московского наблюдателя» вменял «позаботиться, по крайней мере, о водворении в ней благородного и приличного тона»[10]. Правда, у самого Шевырева «приличный» тон в критических статьях иногда превращался в излишне «важный», что сам он позднее признавал «недостатком», связывая его, понятно, не со «светскостью», а, вслед за точным определением П.А. Вяземского — с привычкой говорить «с кафедры»[11].

Белинский в статье «О критике и литературных мнениях...» требование «литературного приличия» категорично объявил «анахронизмом, смешным и жалким». Для критика «Телескопа» это требование было аналогично почитанию поведенческих моделей определенной «касты» с ее ориентацией на устаревшие вкусы французского XVIII века и одновременно погоней за модой (отсюда образ «аббата Баттё во фраке XIX века»), «“светского” общества, где умолкает ум <...>, где притаивается чувство, боясь оскорбить приличие», и господствует пустой мадригал. Иронические выпады против намерений Шевырева одеть литературу и литераторов в «модный фрак и белые перчатки» и заменить «критику <...> комплиментами», недвусмысленно демонстрировали незаинтересованность Белинского в обсуждении «совокупными усилиями» задач и условий «литературного общежития».

Коллективному публичному обсуждению отнюдь не бесперспективной идеи молодой критик «Телескопа» предпочел провозглашение свободы от притязаний литературных «авторитетов» и подчинения «литературным приличиям», полагая идею «литературного общежития» *a priori* несовместимой с идеей «независимости мне-

---

[10] *Шевырев С.П.* Об отечественной словесности. С. 99, 100. Ср. высказанный Пушкиным годом позднее на страницах «Современника» (т. 3) упрек отечественной критике: «Она редко сохраняет важность и приличие, ей свойственные», что свидетельствует о ее «младенческом состоянии» (*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 7. М., 1958. С. 406).

[11] Письма М.П. Погодина, С.П. Шевырева и М.А. Максимовича к князю П.А. Вяземскому 1825—1874 годов. М., 1901. С. 137—138; Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1895 г. СПб., 1898. С. 96—97.

ний», «честных» и «твердых». Не случайно и в конце обозрения «Ничто о ничем...» в поддержку своего решения написать «особенную статью» о критике «Московского наблюдателя» Белинский привел расхожее противопоставление: «...уважение уважением, приличие приличием, а правда правдою»[12].

Окончательно убедиться в «светском» направлении «Московского наблюдателя» Белинскому, по его словам, помогла статья «Перечень Наблюдателя» (1836, № 1). В ней Шевырев проявил непоследовательность: сначала привел довольно спорные аргументы против обязательности постоянной библиографической информации в журнале, несмотря на заинтересованность в ней аудитории (кстати, весьма остроумно охарактеризовав мотивы такого интереса у разных типов читателей), а потом, «уступая» читательским требованиям, все же дал такую информацию. Оппонент не упустил возможности напасть на все слабые места в высказывании Шевырева, особо подчеркнув, что журнал, по его «плебейскому» пониманию, должен служить всей массе читателей, не пренебрегая простоватыми и невежественными, которые не могут обойтись без подробных библиографических указаний журналистов[13].

Однако Белинский не ограничился ироничными или откровенно критическими комментариями по ходу пересказа бесспорно не лучшей, будто второпях написанной статьи Шевырева. Полемист язвительно предположил, что так как «библиография — дело очень хлопотное», порождающее врагов, то Шевырев «благоразумным молчанием» пытается всего этого избежать[14]. Так, без серьезных на то оснований[15] создавалась репутация Шевырева как ленивого и трусливого журналиста.

Все это свидетельствует о том, что Белинский, даже верно выявив те или иные недостатки Шевырева — журналиста, трактовал

---

[12] *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. II. С. 177, 49, 172, 169, 176.

[13] Попутно заметим, что у отстаивавшего интересы «массы» Белинского не возникло даже вопроса о праве просвещенных читателей — своего рода читательской «аристократии» — на издания, адресованные именно им. Ср. пушкинскую оценку Шевырева как критика, «заслужившего доверенность просвещенных читателей» (*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 471).

[14] *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. II. С. 168.

[15] Судя по письмам Шевырева и его замечаниям в разных выпусках «Перечня Наблюдателя», он ясно осознавал пользу «полной, дельной» библиографии в периодике, хотя в силу загруженности не смог в необходимой мере обеспечить ею свой журнал. При этом требования Шевырева к библиографу довольно специфичны: «...взгляд гуманистический, кроткий, снисходительный, отовсюду извлекающий одно хорошее» (цит. по: Русский архив. 1909. Кн. 2. № 5. С. 88). Скорее всего, такая установка на «позитивность» обусловлена не столько данью карамзинской традиции (явный анахронизм для 1830-х годов), сколько задачей противостоять «паясничеству» в библиографии «Библиотеки для чтения». Интересно, что какие-либо оценки библиографических усилий «Телескопа» в известных нам высказываниях Шевырева вообще отсутствуют.

их недостаточно адекватно. Негативные моменты в шевыревской позиции преувеличивались и вписывались в заранее сложившуюся в его сознании схему конфронтационной стратегии — в данном случае критику «светскости».

Повышенное внимание Белинского к борьбе со «светскостью» отчасти, вероятно, объясняется тем, что он сам не был свободен от «комплекса плебея» с его воинственно-антидворянским настроем (отсюда и предпочтение литературных «наездников без щита и герба», высказанное им в «Молве»)[16]. Кроме того, всегда ориентировавшийся на читателя, публицист хорошо понимал, что успех в тогдашней журналистике все больше зависел как раз от той части аудитории, в которой этот «комплекс» был очень силен. Белинский умело реализовывал свои советы журналистам — «наклоняйтесь до своих читателей <...> узнайте их привычки, их слабости и, соображаясь с ними, действуйте на них», данные именно в связи с анализом причин неудачи «Московского наблюдателя»[17]. Антисветски настроенных читателей должно было привлечь «телескопское ратование» против Шевырева, действительно никогда не «наклонявшегося» до читателей (тем более воинственно-антидворянски настроенных).

Ярчайшим примером полемической стратегии конфронтационного типа и неадекватности реакции на публикации Шевырева как потенциального союзника может служить отклик Белинского на выступления критика «Московского наблюдателя» по одной из наиболее актуальных тогда проблем социокультурного развития России — соотношения словесности и торговли.

В открывавшей прозаическую часть «Московского наблюдателя» статье «Словесность и торговля» (1835. № 1) Шевырев первым в русской журналистике широко поставил вопросы о пользе и опасностях, условиях и границах, настоящем и будущем взаимодействия этих важнейших составляющих литературно-общественного процесса после выхода страны на путь буржуазного развития (заметим, названные вопросы и сегодня сохраняют в России острую актуальность). Эта публикация Шевырева стала своего рода манифестом рождавшегося журнала.

Обсуждение вынесенной в заголовок статьи «Словесность и торговля» проблемы в общеисторическом отношении, как и непосредственная борьба с негативными последствиями «торгового на-

[16] Примечателен в этой связи комментарий П.А. Вяземского на эмоциональное восприятие Белинским в одной из его «пушкинских» статей тех строк в «Родословной моего героя» Пушкина, в которых говорится о сожалении, что «геральдического льва демократическим копытом теперь лягает и осел»: «словно обижен как личность» (Кн. Вяземский читает Сочинения Белинского // Библиофилы России. М., 2008. С. 350).

[17] Там же. С. 46.

правления», поглощавшего тогда петербургскую журналистику (прежде всего — с «Библиотекой для чтения» Сенковского), по праву заняли важнейшее место в программе «Московского наблюдателя». Его основателей вдохновляли задачи «истинного просвещения» соотечественников и желание «идти навстречу поколению мыслящему», как писал Шевырев, противодействуя «неизбежным злоупотреблениям» периода «первоначального соединения литературы нашей с торговлей»[18].

Первое упоминание об этой «большой статье», причем без указания названия и автора, появилось по «горячим следам» ее публикации — в «Молве», в заметке по поводу выхода сборников Н.В. Гоголя «Арабески» и «Миргород». Выделив действительно не самый убедительный из шевыревских доводов против «меркантильного направления и торговых расчетов гг. авторов», Белинский подчеркнул, что не этим объясняются «неудачи вторых и третьих романов». Однако следующее заявление полемиста, что «истинный талант» не может «убить <...> хорошая плата за заслуженные труды»[19], с намеком на несогласие Шевырева с данной, тогда уже банальной мыслью, обнаруживает не вполне корректный способ ведения Белинским полемики. Ведь у Шевырева-то речь шла о другом — об опасности соблазна «хорошей платы» не «за заслуженные труды», а за плоды «насильственного вдохновения», т.е. вдохновения продаваемого, что могло убить задатки «истинного таланта», превратить художника в «спекулятора»[20].

Вообще Белинский сильно недооценил статью «Словесность и торговля», назвав «не критической, а полемической» уже в начальных строках развернутого отклика на нее в статье «О критике и литературных мнениях...». Причем под «полемикой» в этой статье, по словам самого Белинского, подразумевалось лишь «мнение о каком-нибудь литературном предмете», которое в отличие от суждения в критике «опирается» не «на умозрение», а «на здравый смысл». Белинским не были оценены ни программное значение этой статьи Шевырева для «Московского наблюдателя», ни важность ее безотносительно к месту публикации — как по сути первой попытки всесторонне рассмотреть злободневную социокультурную проблему, в том числе и в философско-историческом аспекте.

Белинский увидел в выступлении автора «Московского наблюдателя» лишь «остроумную и чрезвычайно верную характеристику», «самое верное изображение современной литературы», превратившейся в «промышленность» и продавшей «себя за деньги»

[18] *Шевырев С.П.* Науки жрец и правды воин! М., 2009. С. 53.
[19] *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. I. С. 174.
[20] *Шевырев С.П.* Науки жрец и правды воин! С. 47.

книгопродавцу[21] и в результате обреченной на гибель. Несмотря на пространные «выписки», пересказ и комментарии, идейное содержание публикации Шевырева крайне обеднено Белинским.

В статье «Словесность и торговля», построенной в форме диалога[22] (правда, без специального графического разделения «реплик», что затрудняло его верное прочтение), Белинский оставил незамеченными все «реплики» в защиту «торговых оборотов» в литературе. Практически проигнорированы морально-философские размышления Шевырева о законах развития «новых отношений» словесности к обществу, когда «сталкиваются две стихии совершенно противоположные: умственная или духовная — какова словесность; материальная — какова торговля», и оказываются «неизбежны нравственные злоупотребления: ибо чистая мысль всегда марается о нечистую выгоду»[23].

Уловив «грустное чувство негодования»[24] в рассматриваемой публикации Шевырева, Белинский умолчал (или не сумел понять?), что ее вообще отличает трагическое мировосприятие автора. Причем этот трагизм в большой мере был обусловлен именно осознанием коренных противоречий в современном литературно-общественном процессе, усложнившемся с наступлением «практического духа времени», проникновением в Россию «промышленных», меркантильных отношений.

Не обратил (или не захотел обратить) внимание Белинский и на то, что в шевыревской статье нашли отражение и противоположные настроения — исторического оптимизма, связанные с надеждой на преодоление «временных и неизбежных следствий первоначального соединения литературы нашей с торговлей». Шевырев вовсе не отрицал принципиальную возможность «согласить сбыт», честный коммерческий успех с «нравственным успехом общества», «успехом образования». Осознание такой возможности позволило автору статьи «Словесность и торговля» в ее финале прославлять будущее «счастливое время, которое будет зрелым плодом истинного <...> не поверхностного образования», когда «не одна изящная словесность, но и ученая, найдет своих потребителей»[25].

Настойчиво игнорируя реальный ход мысли Шевырева, сужая поставленные им вопросы и не замечая его итоговых суждений

---

[21] См.: *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. II. С. 126.

[22] Заметим, кстати, что такая форма позволяет говорить о статье Шевырева как полемической в изначальном смысле слова. Причем полемика здесь особая — «внутренняя», в которой «спорят» внутренние «голоса» автора. Иногда его цель — передавать собственные сомнения, свои «за» и «против» того или иного явления, мнения и т.п., а иногда — просто привлечь внимание читателя с помощью более живой «разговорной» формы.

[23] *Шевырев С.П.* Науки жрец и правды воин! С. 50—51.

[24] См.: *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. II. С. 126.

[25] *Шевырев С.П.* Науки жрец и правды воин! С. 50—51, 52, 53.

в программной статье, Белинский приписал оппоненту «вывод» об исключительно пагубном воздействии денег на талант и потому полном неприятии коммерческих отношений в литературе. Столь примитивный «вывод», разумеется, был объявлен «решительно ложным». В противовес опровергнутому Белинский повторил свое заключение, высказанное годом раньше в заметке в «Молве» (о неопасности «платы за труд» для «истинного таланта»), выделив эту формулу курсивом. В телескопской статье она дополнялась довольно спорным утверждением, что «потоп дурных сочинений», вдохновленных «верной поживой от литературных трудов», — «зло необходимое»[26].

Стремясь заострить полемическое звучание своего отклика на статью Шевырева, придать ему форму живого диалога с оппонентом, Белинский ввел в статью «О критике и литературных мнениях...» прямое обращение к нему: «Нет, г. критик, будем радоваться от искреннего сердца и тому, что теперь талант и трудолюбие дают (хотя и не всем) честный кусок хлеба!» Между тем сам Шевырев по ходу размышлений о соотношении творческого и коммерческого успеха в словесности неоднократно в разных «репликах» своего «внутреннего» диалога утверждал, что «мы должны радоваться» появлению книгопродавца (имелся в виду А.Ф. Смирдин), «капиталами оживляющего вещественную жизнь литературного мира», высказывал удовлетворенность, что литератор теперь «может осязать успех у себя на столе»[27]. Сопоставление этих высказываний ясно показывает, что даже конкретные определения, образные выражения Шевырева воспроизведены (разумеется, с вариациями) у Белинского, но, как ни парадоксально, после отрицательного «нет».

Использовав диалоговую конструкцию, Белинский-полемист не выполнил главное условие истинного, конструктивного диалога: слушать и слышать оппонента — реального, а не придуманного, реагировать на его, а не на приписанные ему «реплики». При таком диалоге, не изменяя своим представлениям о перспективах взаимодействия словесности и торговли, Белинский вполне мог солидаризоваться с Шевыревым в этом принципиальном вопросе, как и в непосредственной борьбе с бесспорными для обоих критиков «злоупотреблениями» «спекуляторов».

Все это не мешало бы Белинскому одновременно спорить с автором статьи «Словесность и торговля» по другим, тоже очень важным, но для рассматриваемой программной публикации Шевырева все же «боковым» вопросам. Например, уже упомянутого о причинах неудачи «вторых» и «третьих» произведений авторов,

[26] См.: *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. II. С. 129. Нельзя не заметить разницы между этим утверждением Белинского и тезисом Шевырева о «неизбежных злоупотреблениях», только на первый взгляд тождественных.

[27] *Шевырев С.П.* Науки жрец и правды воин! С. 50—52.

объяснение которых Шевыревым Белинский опровергал еще в «Молве». Или о причинах прозаизации русской литературы (бурного развития в середине 1830-х годов жанров романа и повести и кризисных явлений в лирике), о чем Белинский писал в телескопской статье 1835 года «О русской повести и повестях г. Гоголя “Арабески” и “Миргород”». Но «неистовый Виссарион» предпочел почти любое неточное суждение Шевырева представлять в гипертрофированном виде, а потенциального союзника — исключительно в образе «противника» на всех «фронтах».

Нельзя не признать, что уже в середине 1830-х годов Шевыреву действительно не всегда хватало широты взгляда и критической прозорливости при оценках явлений текущей литературы: здесь он часто уступал своему «преследователю» Белинскому. Это отмечали не только исследователи, но и многие современники полемистов. Для нашей темы интереснее другое — в чем коренная причина большинства таких реальных неудач Шевырева и сумел ли Белинский ее адекватно оценить и представить читателям в ходе полемики.

Как справедливо показано В.А. Мартыновым и Ю.В. Манном, одним из фундаментальных, а следовательно, в основе своей неизменных принципов мировоззрения Шевырева была идея «регулируемого развития», когда «естественные процессы» в литературе и обществе должны постоянно и жестко контролироваться «какой-то разумной силой» [Мартынов, 1988, с. 25; Манн, 1998, с. 240—242].

В сфере литературы такому сдерживанию «бесконтрольного» развития, по Шевыреву, должна была служить критика — это собственно одна из тех двух ее основных функций, которые имелись в виду при номинации критики «посредником» между искусством — свободным творчеством и наукой с ее законами.

При безусловной привлекательности идеи «регулируемого развития», она всегда чрезвычайно трудна для практического воплощения и в обществе, и в литературе. Во-первых, в силу сложности выработки истинных критериев разумного развития, оптимального соотношения творческого «новаторства» и законной «традиции». Во-вторых, в силу зыбкости границ, отделяющих «регулирование» от диктата, полного подавления свободного развития. Позднее, в начале 1840-х годов, в публикациях в «Москвитянине» эти моменты стали камнем преткновения для Шевырева, все менее открытого новым литературно-общественным веяниям, которые воспринимались преимущественно как незаконные (отсюда и полное неприятие, например, «натуральной школы»). В середине 1830-х годов, как показывает анализ, идея «регулируемого развития» в критической деятельности Шевырева еще сохраняла сильное диалектическое начало, обеспечивавшее восприимчивость критика к новым явлениям живого искусства и одновременно стремление

соотнести их с «традицией» и «законом» развития. Хотя уже тогда идея «регулируемого развития» создавала почву для тех или иных критических неудач Шевырева. Например, преувеличения значимости творчества некоторых писателей, в том числе В.Г. Бенедиктова, в выходе которого на литературную арену в середине 1830-х годов критик хотел видеть столь желанное, а главное — закономерное, с его точки зрения, явление в России «поэта мысли».

Белинский, как отмечалось выше, вслед за Надеждиным значительно упростил определение «задушевной идеи», проповедуемой Шевыревым на страницах «Московского наблюдателя» (и несколько ранее — «Молвы»), сведя ее к «светскости» и актуализировав лишь сопровождающие это понятие отрицательные коннотации, довольно тенденциозные представления о дворянском консерватизме. Ни понятие «регулируемого развития», ни близкие ему не использовалось критиком «Телескопа» при характеристике общей позиции Шевырева. Очевидно, Белинский оказался не готов осознать ее в полном объеме, конструктивно обсуждать и таящиеся в указанной идее опасности, и ее перспективность. Вместе с тем, судя по всему комплексу высказываний Белинского о позиции Шевырева-критика в середине 1830-х годов, можно говорить о том, что он сумел верно почувствовать в ней оттенок недоверия к самодвижению литературного мира, к его живому развитию.

Как в любой дискуссии, в конфронтационной полемике Белинский vs Шевырев был некоторый позитивный момент, поскольку в ее ходе рождались и оттачивались ставшие классическими суждения критиков, особенно Белинского. Шевырев играл здесь роль по преимуществу провокативную и отчасти страдательную, поскольку логика конфронтации не оставляла места великодушию Белинского в адрес «противника», своими исканиями, даже ошибками, как минимум подтолкнувшего его к тем или иным открытиям. При этом, подчеркнем, сам Шевырев в рассматриваемый период не опубликовал ни одного прямого ответа на выпады Белинского.

Не имея возможности в рамках данной статьи останавливаться на анализе данной стратегии критика «Московского наблюдателя» подробно, добавим к уже сказанному нами по этому поводу выше лишь два принципиальных, с нашей точки зрения, замечания. Уйдя от прямых публичных возражений Белинскому даже на его большую статью «О критике и литературных мнениях...», Шевырев практически в то же время посчитал нужным вступить в журнальную полемику с Надеждиным о своей книге «История поэзии...». Сначала Шевырев в «Московском наблюдателе» ответил на развернутую рецензию издателя «Телескопа», а потом на его же ответную статью и только после этого отказался продолжать «прения» как «бесполезные». Нельзя не согласиться с З.А. Каменским, что в целом полемика Шевырева и Надеждина (в сущности, это была

полемика о соотношении «эмпиризма и умозрительства» в суждениях о литературе — о проблеме, которую затрагивал и Белинский в своем антишевыревском «ратовании») «с обеих сторон» грешила «передержками, взаимным непониманием и невниманием к позиции противника», в результате чего «согласные в главном спорщики преувеличивали свои расхождения» [Каменский, 1984, с. 60—62]. Оценка, данная З.А. Каменским полемике Надеждина с Шевыревым, как видим, в известной мере перекликается с нашей оценкой антишевыревских выступлений Белинского в 1836 году, тоже явно преувеличивавшего свои расхождения с Шевыревым по целому ряду важных литературных вопросов. Разумеется, с той разницей, что Белинского в отличие от Надеждина Шевырев ни разу не удостоил ответом.

Поэтому особый интерес представляют объяснения Шевыревым причин и принципов его непосредственного участия в дискуссии, которые сопровождали оба его ответа издателю «Телескопа». Главным Шевырев объявлял готовность «не уходить от ученого прения», на который его вызвал бывший коллега по университету, при этом обращаться не только и не столько к нему, сколько ко всей журнальной аудитории, но «с соблюдением всех правил ученого общежития», «отвечать на суждения, а не на выходки» заядлых литературных спорщиков, в том числе и тех интеллектуалов, кто видит в полемике лишь «схоластическую забаву». Шевырев весьма пренебрежительно отзывался о такого рода полемистах и их поклонниках — «охотниках до драк и всякого движения», которые, по его мнению, заслуживали единственной реакции: «Взгляни и мимо»[28]. Очевидно, именно к последним Шевырев относил Белинского, который никогда не соблюдал «все правила ученого общежития», как их понимал Шевырев.

Однако проигнорированные им критические выпады Белинского имели больший общественный резонанс, чем полемика с Надеждиным. И дело не только в несравненном публицистическом темпераменте Белинского, его литературном мастерстве и готовности использовать (говоря современным языком) различные эристические техники. Его атаки на Шевырева — журнального критика были доступнее и занимательнее для более широкого читателя, чем надеждинские разборы довольно специальной книги Шевырева о поэзии древних.

Характерны отклики на «телескопское ратование» Белинского против Шевырева двух достаточно пристрастных, но хорошо ори-

[28] Московский наблюдатель. 1836. Кн. 4. С. 698; Кн. 7. С. 395, 407 («Взгляни и мимо» — слова Данте). Кстати, такое пренебрежение полемическим жанром, очевидно, отчасти обуславливало ту нехватку «живости и горячей замашки», за которую критиковал «Московский наблюдатель» даже сочувствовавший ему Н.В. Гоголь в статье 1836 г. «О движении журнальной литературы...».

ентировавшихся в ситуации современников. Н.А. Полевой писал: «Итак, война? <...> Кому-то пасть, а что Шевырев дурак, воля Ваша — теперь сомнения прочь» [цит. по: Пыпин, 1908, с. 125—126]. Н.В. Станкевич прокомментировал эффект от статьи Белинского «О критике и литературных мнениях...» еще однозначнее: «...брат писал мне, что ты последнею статьею о "Московском наблюдателе" решительно убил Степана Петровича и что он сам от себя отрекается»[29]. Конечно, в этих отзывах — сильные преувеличения: Шевырев, как известно, от себя не «отрекся», продолжая научную, педагогическую и журнальную деятельность активно и небезуспешно, хотя после (а может быть, отчасти и вследствие) «атак» Белинского все большее развитие получали отнюдь не лучшие стороны его социокультурной позиции. Но для нашей темы важнее другое: слова Полевого и Станкевича передают точно понятый и принятый современниками (по крайней мере, многими) откровенно воинственный дух, разрушительный настрой полемических выступлений Белинского против Шевырева в 1836 году.

С точки зрения самого Белинского и его единомышленников, понимавших полемику как «войну» с использованием всех доступных средств ради «уничтожения противника» (в том числе, как было показано выше, разного рода уловок и искажений его позиции), это был безусловный успех. В системе координат, исключавших в полемике диалоговую стратегию с необходимой для нее установкой на «разговоры с договоренностью», то есть на толерантное конструктивное обсуждение тех или иных явлений, суждений, вопросов и поиск консенсуса с противоположной стороной [Прохоров, 2004, с. 155—194], мастерство полемиста по сути отождествлялось с умением главным образом дискредитировать оппонента.

Для этого, конечно, были нужны соответствующие психологические качества — особое «сладострастие протеста», по меткому выражению Ив. Иванова о Белинском, и готовность «заклеймить» противника «позором отвержения» [Иванов, 1900, с. 100, 101]. Сам Белинский, очевидно, осознавал эти свои наклонности. Позднее, обобщая свой журнальный опыт в феврале 1847 года, он подчеркивал, что «природа осудила» его «лаять собакою и выть шакалом» и что «все лучшие» статьи написаны, когда он мог отдаться «негодованию и бешенству»[30]. Понятно, что влияние таких страстей почти неизбежно толкало полемиста к границе дозволенного в «вольности» трактовки «чужого» слова, к нетерпимости в отношении «другого» мнения, которое явно противоречит принципам демократизма в современном их понимании.

Все сказанное выше указывает на необходимость корректировки представлений о полемической практике «неистового Виссари-

[29] Переписка Н.В. Станкевича 1830—1840. М., 1914. С. 175.

[30] *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. XII. С. 337—338.

она», отказа от ее идеализации. Это, подчеркнем, отнюдь не означает отрицания огромных заслуг Белинского, роль которого в русской критике вполне справедливо сравнивают с ролью Пушкина в литературе, поскольку он создал критику, которая «по значению была достойна художественной литературы», и очень существенно продвинул развитие отечественной журналистики. Можно согласиться и с утверждением Б.Ф. Егорова (отчасти вслед за Дж. Берти), что Белинский, «вторгшийся в русскую культуру как гений бури, со всеми сражаясь», принес «пользы» больше, чем «вреда» своими «отдельными просчетами и ошибочными оценками» [Егоров, 1980, с. 25—26[31]]. Вместе с тем представляется неприемлемым уход нашей науки от обстоятельного разговора и о «вредном» или, по крайней мере, неоднозначном влиянии выдающегося критика-журналиста, от объективной многоаспектной оценки его практики как журнального полемиста.

Ведь во многом именно благодаря Белинскому ведущие позиции в русской критике и журналистике заняла конфронтационная полемическая стратегия. Внимание к этой стороне деятельности Белинского тем более актуально сегодня, когда при рассмотрении национальной социокультурной традиции все чаще поднимается вопрос о неразвитости в России культуры идейной толерантности и даже нереализуемости «позитивной программы диалога согласия» [Olaszek, 2010, s. 34—35], и не только в публичной сфере, а как о важной черте русской ментальности в целом.

Список литературы

Егоров Б.Ф. О мастерстве литературной критики. Л., 1980.

Иванов Ив. История русской критики. СПб., 1900. Т. III. Ч. IV.

Каменский З.А. Н.И. Надеждин: Очерк философских и эстетических взглядов (1828—1836). М., 1984.

Манн Ю.В. Русская философская эстетика. М., 1998.

Мартынов В.А. С.П. Шевырев и русская литературная критика 1820—1830-х годов: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1988.

Прохоров Е.П. Журналистика и демократия. М., 2004.

Пыпин А.Н. Белинский. Его жизнь и сочинения. 2-е изд. СПб., 1908.

Цветкова Н.В. С.П. Шевырев — критик, историк и теоретик литературы (1830-е годы). Псков, 2008.

Olaszek B. Сюжетная ситуация диалога/спора в романах И. Тургенева // Русская литература XVIII—XXI веков: Диалог идей и эстетических концепций. Lódz, 2010.

Поступила в редакцию
10.11.2011

[31] См. также статью Б.Ф. Егорова о Белинском в словаре «Русские писатели. 1800—1917» (Т. 1. М., 1991. С. 216).